

Тонкие
нити
судьбы

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

любовь Котова

18+

Любовь Котова
Тонкие нити судьбы

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Котова Л.

Тонкие нити судьбы / Л. Котова — «ЛитРес: Самиздат», 2020

Вы замечали, как жизни людей, их судьбы переплетаются, словно тонкие нити? Меняются короли и президенты, очертания стран, а люди остаются прежними. Всё те же чувства, те же заботы: любовь и зависть, дружба и обман, счастье и боль, верность и предательство. Всё, о чём я рассказала в этой книге — невыдуманные истории. Всё это было на самом деле...Содержит нецензурную брань.

Содержание

Павлушка	5
Аисты	9
Тимур	11
Поступок	16
Подруга	21
Немец	26
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Павлушка

Я работаю акушером-гинекологом в одном из родильных домов нашего города. Почему я выбрала именно эту специальность?

Это случилось в 2004 году на практике в больнице. По скорой поступила женщина с подозрением на почечную колику. Пациентов в тот день привезли много, да ещё и тяжёлых. Мне пришлось заниматься этой женщиной. У неё были сильные боли, страх, отчаяние. Врачи назначили капельницу.

Когда пациентке стало немного легче, она поведала историю, которая осталась в памяти на всю жизнь. Вот что она рассказала:

– Мальчишкам было одному пять, второму четыре. Погодки. На лето я приехала к маме в деревню на Украину. Трудно одной. Не девка, не вдова, не мужняя жена. Супруг уехал на Север на заработки, когда второй сын родился. Уехал и сгинул. Потом пришло письмо. Просил развод. Ну и ладно. Любви к нему не испытывала. Вышла замуж, когда ещё восемнадцати не было, по залёту.

Поехала в Киев в Лавру. Там познакомилась с Сашей. Выходя из храма, встретились взглядами. Между нами завязался разговор. Долго гуляли по городу. Болтали обо всём, как старые друзья. Вечером пошли в ресторан. На следующий день Саша уехал. Он был в Киеве в командировке. Вновь встретились в Москве.

Я вела себя, как ретивая необъезженная лошадь, Саша – как наездник, который решил сначала приручить кобылку. Встречи не заходили дальше прогулок, выставок, театров, ресторанов. А во мне уже проснулся вулкан, спавший много лет. Я была влюблена. Всё время думала о его бархатных карих глазах, нежных руках. А голос! Приятный баритон. Мы оба были поклонниками творчества Высоцкого. Читали его стихи, напевали любимые песни. Голова от этого всего шла кругом.

Провстречались месяца три, и Саша сделал мне предложение. Поженились. Получилась хорошая семья. С радостями, горестями, потребностями и желаниями. Мальчишки называли его папой. Всё было отлично.

Но ещё Лев Толстой писал: «Все счастливые семьи похожи друг на друга, каждая несчастливая семья несчастлива по-своему». Саша начал стремительно худеть. По моему настоянию он прошёл диспансеризацию. Диагноз: центральный рак лёгких четвёртой стадии. Мы-то думали, что он кашлял из-за курения. Совершенно не придавали этому значения. А теперь сделать было уже ничего нельзя. Какексия и неоперабельность из-за множественных метастазов.

Саша сторел быстро – за три месяца. Это произошло ночью. Пошла кровь горлом. Перед смертью он взял с меня обещание, что после его ухода я выйду замуж:

– Не может такая женщина жить одна. Не должна!

– Не говори этого. Даже не произноси. Я уйду за тобой.

– Ты никогда не работала. Привыкла жить и чувствовать рядом мужское плечо. Пообещай мне. Это воля умирающего. Тебе всего тридцать девять лет, – умолял Саша.

Рыдали оба, в голос. Саша был слаб, и я не стала спорить. Мы просто обняли друг друга и долго плакали.

– Хорошо, выйду. Клянусь, – выдавила я из себя. – Мы прожили вместе душа в душу пятнадцать лет.

Мила заплакала и тут же замолчала. После этих слов и я еле сдерживала слёзы. Воспоминания Милы продолжались, будто это была вторая серия фильма:

– Саша хорошо рисовал. На красках не экономил. Покупал самые хорошие, дорогие. Я долго не знала, что делать с ними после его смерти. Тут приснился муж, просил собрать тюбики с красками, кисти, холсты и отнести на помойку за соседним домом.

Когда я проснулась, долго не могла прийти в себя. Зачем? Почему? Голова болела. Я собрала всё в коробку и, дождавшись вечера, пошла к указанному месту. Когда приблизилась к мусорному контейнеру, вдруг показалось, что кто-то наблюдает за мной. Но зимой темнеет рано, и я никого не разглядела.

Я положила коробку на мусорку, постояла минуты три и пошла прочь, не оглядываясь. Повалил крупными хлопьями снег. Возвращалась грустная, слёзы заливали глаза. И тут столкнулась с мужчиной. Это был Иван. Мы познакомились дома у общих друзей. Он работал грузчиком в аэропорту. Пытался за мной ухаживать, но сразу был отвергнут. А сейчас это выглядело так, как будто Саша специально свёл нас.

Прошло почти два года после смерти мужа. Моя тоска не унималась. Плохо было ужасно. Мы расписались с Ваней и стали жить вместе. Ни о какой любви с моей стороны не могло быть и речи. Я жила по инерции. Мысли о смерти не оставляли меня. Обещание, данное Саше, я выполнила.

– А Ваня? Как же он?

– Ваня? Он хороший человек. Старался для меня. Покупал одежду, духи, конфеты. Подарил норковую шубу. Главное, не возражал, что Сашин портрет висел на стене в комнате.

– Нечасто такое случается!

– Не знаю. Ваня полюбил меня и решил дождаться взаимности. Терпеливый он человек. Через полтора года я стала очень плохо себя чувствовать. Болел низ живота. Ужасно! Сравнить эту боль ни с чем не могла. И поясницу ломало. Живот мне казался очень твёрдым. Первое, что пришло в голову, это опухоль. Ване я не стала рассказывать, а с сестрой поделилась. Она приехала ко мне в тот же день.

– Мила, хоть я не нащупываю в твоём животе уплотнений, но надо срочно к врачу. Сделают УЗИ и всё скажут, – Света достала телефонный справочник.

– Да какой врач! О чём ты? Ты же понимаешь, что это Саша меня хочет забрать к себе. Я молилась, просила, чтобы Господь призвал меня. Я не могу больше так жить.

– Милка, что ты несёшь? Тебе же всего сорок три. Ещё жить и радоваться. Ну умер муж. Бывает такое. Сейчас у тебя новая семья. Ваню хотя бы не обижай. Такой человек хороший. Любит тебя. Умоляю, пожалуйста. Давай сходим на УЗИ!

– Нет. Не пойду.

Через три дня мы со Светкой пошли к врачу. Живот мой, и правда, увеличился, был твёрдый. Что-то там было не так.

– Мил, а может, ты беременная? Дело-то житейское. Родишь девочку. Будет тебе отрада под старость, – предположила сестра.

– Ты что, сумасшедшая?! Свет, какая беременность? У меня климакс уже несколько лет. Да и я что, не знаю, что значит в положении быть? У меня же два сына. Такое не спутаешь ни с чем.

Я вошла в кабинет. Приятная женщина лет шестидесяти очень долго осматривала меня и тщательно расспрашивала. Потом кому-то позвонила – в кабинет вошла её коллега.

Они осматривали меня вдвоём. Доктор долго писала что-то на листке, пока я одевалась. А потом вынесла свой вердикт...

– Надо пройти обследование. Я выписала вам направления к гинекологу, к эндокринологу, к онкологу и на анализы. А вообще, я бы вам настоятельно рекомендовала госпитализироваться.

– Доктор, а вы что-то увидели?

– Я увидела у вас новообразование. Не могу сказать точнее. Нужна более современная техника. Поэтому я вам

рекомендую пройти обследование в больнице. В карте всё написано.

– Опухоль, значит? А какая опухоль?

– Я же говорю, что точно не могу определить. Может быть, это миома матки, может быть, даже тератома. Нужно тщательное обследование.

От доктора я вышла совершенно потерянная. В коридоре ждала Светка.

– Ну что? Ты так долго. Что сказал доктор?

– Сказала, что надо обследоваться. Опухоль у меня там сидит.

– Опухоль? Мил, пойдём к гинекологу? Я уже узнала. Народу немного. Я заняла очередь. Это здесь, в 37 кабинете.

– Свет, отстань!

Но сестра взяла меня под руку и буквально потащила к врачу. Гинеколог осмотрела меня и призадумалась.

– Миома матки 12 недель, – сказала она и уточнила: – Когда последний раз были месячные?

– Четыре года назад.

– А сколько вам лет? Сорок три?

– Да, сорок три.

Доктор прочитала заключение УЗИ второй раз и спросила:

– Тут написано, что у вас месячные были раз в полгода. Это ошибка?

– Нет. Это не ошибка. Так и было до климакса.

– Это не очень хорошо. Вы каким-то образом лечились? Обычно женщины с такими проблемами не могут забеременеть.

– Доктор, что теперь говорить об этом? У меня двое взрослых сыновей. И вообще я скоро бабушкой стану. Хорошо это или плохо, теперь неважно.

После осмотра врач дала мне направление на госпитализацию. Сказала, что надо делать биопсию. Ругала меня, что толстая и всячески стыдила.

Мила вдруг замолчала, опять начались сильные боли. Она стонала. Жаловалась на ломоту в пояснице. Я сделала обезболивающее. Когда боль немного стихла, женщина выпила воды и продолжила рассказ:

– Я приняла решение не ходить по врачам и уж ни в коем случае не делать биопсию. Не за чем. Я так сильно скучала по Саше. Казалось, что он с того света манит к себе. Дни тянулись. Чувствовала себя плохо. Всё время хотелось спать. Несмотря на то, что аппетит был отменный, я начала худеть. Но живот не уменьшался, а даже стал больше. Но я-то знала, что там опухоль.

И вот сегодня проводила Ваню на работу и легла. Совсем мне плохо стало. А потом такие боли начались. Позвонила мужу, попросила приехать попрощаться. Уговорила не вызывать врача. Дотянули до ночи, а когда совсем стало неважно, вызвали скорую. И вот я здесь, – закончила рассказ моя подопечная.

После истории Милы мне стало грустно. Почему люди так относятся к себе? Молодая женщина. Вбила в голову, что надо умереть. Хотелось помочь ей. Я спросила:

– А когда вы были с сестрой у врача? В каком месяце?

– В сентябре, кажется. Или в августе. Я уж и не помню точно.

– Приблизительно полгода тому назад. Вам ставили миому 12 недель? – уточнила я и пошла за стетоскопом.

Сердцебиение плода я не услышала. Но вспомнила из лекций, что при многоводии беременных такое бывает.

Тогда диагностика была не на самом высоком уровне, качество изображения на УЗИ не всегда позволяло поставить точный диагноз. При этом разные врачи могли поставить разные сроки. Кто-то говорил, что миома соответствует 11 неделям, другой врач ставил 8 недель. Незаберихи добавляло и то, что миома, в отличие от беременности, и растёт неравномерно, и растягивает тело матки по-разному. А если у женщины ещё и некоторые проблемы и особенности по гинекологии...

Приступы боли у моей подопечной стали учащаться и, что характерно, через определённые промежутки времени. И вот тут мои сомнения начали рассеиваться. Я повезла каталку с Милой в смотровой кабинет. Помогла женщине забраться на кресло. Когда я её осмотрела, испугалась страшно. Открытие шейки на четыре пальца. Что делать? Пациентка рожает! Все дежурные врачи заняты. В больнице нет родильного отделения.

Мила перестала стонать и начала кричать. А я стала метаться. Пришла медсестра, прикрикнула на меня и начала давать указания. Пришлось взять себя в руки.

Я хоть и начинающий, но всё же врач. Надо принимать роды. Роженица уже не кричала, а орала на всю больницу. И всё так быстро пошло. Начались потуги, показалась головка. Ребёночек родился «в рубашке». На акушерском языке – в плодном пузыре. Тогда я ещё не знала, что это опасно для жизни младенца. Но всё сделала правильно. Малыш закричал. Это был мальчик. 53 сантиметра, 3100 вес. Мила рыдала. Почему она плакала, мне было непонятно.

– Ну вот тебе и рак-дурак, – сказала медсестра с улыбкой. – Смотри, какой Павлушка родился! Теперь есть ради кого жить. Радуйся, мамаша!

Приехала скорая, и её с малышом увезли в родильный дом. Потом Иван и Мила нашли меня, подарили огромный букет цветов, конфеты и благодарили, благодарили. А я уже точно решила для себя, что буду акушером.

А недавно я встретила Милу с молодым человеком. Это был тот самый Павлушка – первый принятый мною ребёнок. Сейчас этих детей уже за сотни, но всё началось именно с него, а вернее, с той самой истории. Именно она подтолкнула меня к выбору профессии.

Аисты

Есть такое поверье: если аисты поселились, значит, в этом месте всё будет хорошо. Эти птицы приносят счастье.

Этим летом Мила с Павлушкой отдыхали на Псковщине. Красивые там места, заповедные. Как же много там аистов! Видишь гнездо на столбе или на крыше, и сердце стучит чаще, радость на душе неопишная.

Мать с сыном ездили в эти места уже в пятый раз. Всё время их привлекал один хутор в стороне от деревни Печки. Большой сад с развесистыми яблонями, высокими вишнями и сливами. Кусты чёрной смородины стояли ровными рядами. Ближе к забору – заросли малины. Одноэтажный добротный домик со спутниковой антенной на крыше, сарай и колодец. Небольшое поле с картошкой, а прямо посередине него – столб с гнездом.

В этот год, как и в предыдущие, гнездо заняла семья аистов. Мила с сыном заехали туда полюбоваться птицами. Когда же проезжали в следующий раз, увидели, что один аист находился рядом со столбом на земле, будто сидел там.

Приехав в отель, ни Мила, ни Павлик не могли забыть эту сидящую под гнездом птицу. Она просто завладела их мыслями.

Утром они опять отправились на хутор. Там увидели хозяйку, пожилую женщину лет семидесяти. Валентина жила в этом месте полвека, и на её памяти аисты всегда прилетали сюда. Эти необыкновенные белые птицы прибывали из жарких стран на Благовещение – 7 апреля. А улетали они на Преображение Господне – 19 августа. Всегда в одно и то же время.

В этом году семья птиц вывела четверых птенцов. Обычно было двое, максимум трое. Они превратились в красивых молодых аистов. Но только трое из них летали, а один всё время сидел в гнезде. Вчера утром Валентина обнаружила птенца-подростка сидящим на земле возле столба.

– Им ведь улетать скоро. Вот, видать, слабого и выбросили из гнезда, – сказала хозяйка.

– Как же так? Выбросили? Своего ребёнка? – со слезами на глазах спросил Павлик.

– Да, сынок! Так уж у них заведено. Если вдруг не хватает корма или птенец совсем слабый, то от него избавляются. Так природа придумала.

– Но ведь этому-то можно помочь, – кивнул Павлушка в сторону лежащего аиста.

– А чем ему поможешь? Воды я поставила. Сын накопал червей. А близко к нему не подойдёшь. Вот, смотри, как он меня клюнул, – протянула покрасневшую отёчную руку Валентина.

– Может быть, позвонить в МЧС, и они подскажут, куда обратиться? В Пскове наверняка есть орнитологическая служба, – проговорила растерянно Мила.

– Ага, в МЧС. А то у них делов поважнее нет! – засуетилась Валентина и стала прощаться. – Нет, не надо звонить. Мы сами позвоним и вызовем кого надо.

Мила с Павликом распрощались с женщиной и уехали.

На следующий день Павлушка настоял на том, чтобы навестить аистёнка. Приехав на хутор, они увидели через сетчатый забор на земле птицу. Она лежала, распластав крылья. Голова была безжизненно закинута назад, клюв приоткрыт. Около ограждения остановилась машина, из неё вышел мужчина.

– Эх, погиб, бедолага! – с сожалением произнёс он. – Не вызвала, значит, бабка никого. Я же предлагал ей помощь, телефон дал, куда звонить, свой номер оставил, если вдруг деньги понадобятся.

– Мы тоже предлагали помощь. Надо было самим звонить, – надрывно выдавил Павлик.

– Да, понадеешься вот так на человека, а он... – махнула рукой Мила.

– Парень, а ты знаешь, почему у аистов концы крыльев чёрные? – спросил мужчина. – Слушай легенду. Давным-давно в одну деревню испокон веков каждый год прилетали аисты. Однажды, когда хозяева были на работе в поле, в доме начался пожар. Птицы волновались, ведь там спали маленькие дети. Аисты спасли детишек. Они вынесли их из горящего дома. Но крылья птиц опалились и почернели, а лапы и клювы покраснели от ожогов.

Мужчина потрепал Павлика по голове, попрощался и уехал. Мила с сыном постояли немного и тоже поспешили покинуть это место.

Есть очень много различных историй о том, как люди помогали раненым аистам, выхаживали птенцов, устраивали зимовку. А потом благодарные птицы возвращались из жарких стран к своим спасителям много раз. Некоторые и вовсе не могли улететь, так и оставались жить с теми, кто их приютил.

Пусть у читателей не возникают негативные чувства к Валентине. Пятьдесят лет в её двор прилетали аисты, не одного подбитого она выхаживала. Видимо, в этот раз ничего нельзя было сделать. Уж за столько лет она точно знала, какие порядки у аистов, можно помочь или нет. Надеюсь, что следующим летом красивые белые птицы опять поселятся в её дворе.

Тимур

Август в этом году стоял жаркий. Хотелось отправиться в лес или на речку и окунуться в прохладную воду, а потом плюхнуться в горячий песок и барахтаться там как воробей – легко и беззаботно.

Дмитрий приехал записать своего сына в художественную школу. Все нормальные люди прошли кастинг в июне, и лучшие юные художники были уже зачислены. А вот у него вовремя не получилось. Но мужчина был спокоен.

«В нашей стране всё продаётся и покупается. Дам бабла – запишут. Ванька рисует отлично, мне стыдно не будет», – думал он. Анатолий Максимович, директор школы, попросил подождать немного, а чтобы не было скучно, предложил Ивану пройти в класс, где стояли мольберты, и выполнить задание, которое было на кастинге.

Минут через двадцать появился молодой человек восточной внешности. Он въехал в класс в инвалидной коляске.

– Знакомьтесь, это Тимур Сергеевич Морозов, ваш учитель и руководитель курса, – сказал директор школы.

– Карташов Дмитрий Павлович, отец Ивана, – представился Дмитрий и приветственно протянул руку.

Внутри у Тимура всё сжалось, в глазах мелькнул злобный огонь. Он с силой сдвинул подлокотники инвалидки – на кистях рук проступили вены. Видно было, что молодой человек очень напряжён.

Дмитрий, здоровенный дядька с накачанными бицепсами, почувствовал себя гномиком под тяжёлым взглядом инвалида. Он переступал с ноги на ногу и облизывал пересохшие губы. Казалось, что он пытается что-то вспомнить, но это ему не удавалось.

– Тимур, у тебя всё нормально? – спросил Анатолий Максимович и протянул парню стакан воды.

– Спасибо, всё хорошо. Что-то голова закружилась. Видимо, от жары.

– Тимур Сергеевич, посмотрите работы этого мальчишка, – сказал директор. – Он, к сожалению, не смог прийти на кастинг в июне. Так сложились обстоятельства. Ваня отлично рисует, и я надеюсь, что он будет учиться у вас в классе. Вы оставайтесь с Иваном, а мы с Дмитрием Павловичем подождём у меня в кабинете.

Мужчины вышли из класса и прошли в кабинет директора. Анатолий Максимович пригласил Дмитрия сесть, потом включил чайник и начал хлопотать с кофе.

– Анатолий Максимович, а этот молодой учитель в коляске... Что с ним случилось? – мужчине было неловко спрашивать, но любопытство взяло верх.

– Дмитрий Павлович, давайте расскажу. Время у нас есть. Тяжёлая судьба у этого парня. И директор школы начал свой рассказ:

– Мать Тимура, Мухарам, родилась в узбекской советской семье в Москве в 1967 году. Её родители тоже были москвичи и уже совершенно обрусели. Мухарам почти не говорила на узбекском. Все её звали Маруся. Закончила школу, поступила в пединститут, а в 1989 году устроилась на работу учителем английского языка. Замуж вышла за русского парня. Он был старше на десять лет. Через год родила мальчишку. Тимур рос хорошеньким, смышлённым мальчиком. Очень был похож на мать.

Всё, казалось, было хорошо: сын, квартира, работа, любящий муж. Но болезнь не щадит никого. Тимуру было восемь, когда Сергей, его отец, умер. Воспаление лёгких. Как-то так получилось, что просмотрели. Организм не справился. Маруся осталась одна с ребёнком. Трудно, но жить надо. Хотя бы ради сына. Однажды они возвращались с дачи. Ехали в электричке, и случилось несчастье.

Рейд скинхедов под названием «Белый вагон». Бритоголовые здоровые качки в чёрных джинсах, камуфляжных куртках без воротников и здоровых ботинках – гриндерах с белыми шнурками. Их было человек семь. Подвыпившие или обкуренные, а может, всё сразу. Они были возбуждены. Рейд проходил плодотворно. Их девиз: «Бей чурок!» За эту ходку в электричке было жестоко избито несколько вьетнамцев и таджиков, попался один грузин. Эти ублюдки были удовлетворены уловом. Но тут один закричал:

– Ты смотри-ка! Баба чуркская со своим выблядком! Вытаскивай её!

Один из бритоголовых схватил Марусю за волосы и начал тянуть к выходу. Она прижимала Тимура. Тут мальчик закричал:

– Не трогайте маму! Не смейте!

– Закрой пасть, тварь! – прорычал в ярости самый здоровый.

Люди все съёжились, кто-то побежал в другой вагон. Заплакала маленькая девочка, сидевшая на руках у бабушки. В лицо Тимур полетел здоровенный кулак. В глазах у него потемнело. Из носа хлынула кровь. Потом последовали новые удары, ещё и ещё. Мальчишка обмяк и повалился на пол. Маруся визжала. Её за волосы втащили в тамбур и начали бить ногами, руками. Мальчика добивали в вагоне. Казалось, что бьют уже мёртвое тело.

Электричка остановилась. Двери открылись, и бритые животные выскочили, а в вагон вошли милиционеры. Как всегда вовремя. Марусю и Тимура отвезли в больницу на скорой. Оба были без сознания. У Маруси разрыв селезёнки, множественные переломы. Нужны были операции. У Тимура – переломы позвоночника, рук, костей черепа. Мать и сына отвезли в разные больницы, и началась для них борьба за выживание.

Дмитрий начал сильно нажимать на пальцы, и они захрустели. Мужчина был очень взволнован, даже дышать стал чаще. Анатолий Максимович приоткрыл дверь в кабинет, чтобы сделать хоть небольшой сквознячок, налил кофе и продолжил рассказ:

– Мир не без добрых людей. Все помогали Марусе и её сыну. Родителям сообщать не стали. Они уехали на родину, да и возраст пожилой. А вот бабушка Тимура по отцовской линии дежурила в больнице день и ночь. Сначала ей приходилось разрываться между Марусей и внуком.

Тимур провёл в больнице полгода. Несколько операций, реабилитация. Да ещё подольше поддержали его там. Дали возможность матери встать на ноги и чуть окрепнуть. С работы Маруся уволилась. Да и кто стал бы её терпеть с инвалидностью и больным ребёнком на руках? Но жить-то надо. Без денег невозможно. Бабушка переехала к ним, свою квартиру сдавать стала. Маруся устроилась на работу уборщицей. А сил-то нет совсем.

Дмитрий плохо себя почувствовал. Его так тронула история, рассказанная директором школы, что разболелась голова.

– Вы извините, пойду я покурю, – сказал он.

– Давайте закроем дверь и курите в окно, – сказал Анатолий Максимович и поставил на стол пепельницу.

Дмитрий схватил сигарету как спасательный круг, закурил, с жадностью затянулся и выпустил дым через нос.

– Продолжайте, пожалуйста. Очень интересно. Как Тимур стал художником?

Директор продолжил:

– Однажды Маруся увидела, как женщина из соседнего дома, её звали Мила, подошла к мусорке и положила какой-то солидный свёрток. Падал снег. Женщина с грустью посмотрела по сторонам и медленно пошла прочь. Она плакала. Маруся подумала, может, в этом свёртке умершая кошка или собака. Очень уж печальная была соседка. Хотелось скорее узнать, что же там. Надорвав бумагу, она увидела кисти, холсты и что-то ещё.

Тимур был счастлив. Мама принесла такое богатство. Отличные краски, кисти, растворители, рамы, холсты на подрамниках, бумага. Это был подарок судьбы. Мальчик начал рисовать. Дима опять закурил и спросил:

– А что это за женщина? Почему она выбросила такие хорошие вещи?

– У Милы умер муж. При жизни он рисовал. Вдове приснился сон, в котором покойный просил отнести краски и всё, что с этим связано, на мусорку у соседнего дома.

– Мистика прямо какая-то!

– Трудно поверить, но это факт.

– Интересно, как дальше разворачивались события.

– Тимур рисовал, а Маруся продавала его картины. Однажды она принесла этюды сына в клуб, в котором подрабатывала уборщицей. Я там руководил художественной секцией и увидел эти рисунки. А дальше – конкурсы, учёба, поступление в Суриковское училище. Тимур очень талантливый парень. Учёба давалась ему легко. А я уже не бросал их семью. Помогал чем мог. Устроил парня после окончания училища в нашу галерею преподавателем.

Анатолий Максимович встал, потёр руки и сказал:

– Пойдёмте, Дмитрий Павлович. Заговорились мы с вами. Нас, наверное, заждались художники.

– Грустная история. Спасибо, что рассказали.

Мужчины пошли в класс.

Когда директор увёл Дмитрия к себе в кабинет, в классе воцарилась тишина. Только слышно было, как муха билась о стекло. Художнику казалось, что она камнем долбит его голову.

Тимур молчал. В его памяти пронёсся целый вихрь событий. Слезы навернулись на глаза. Это лицо он помнил и мог узнать из тысячи, хоть прошло шестнадцать лет. Он рисовал его много раз. И не только в мыслях, но и на бумаге. Хотелось прыгнуть и разорвать качка Дмитрия на куски. Избить так же, как он его избивал когда-то. По его вине он, Тимур Морозов, сейчас сидел в инвалидной коляске, а его ноги были как две тряпки. Он не мог ходить. Мама так и не воспряла духом после случившегося.

Как много раз Тимур представлял себе эту встречу! Ему хотелось всё высказать уроду, по вине которого он не мог ходить. Хотелось, чтобы он увидел, узнал, что Тимур не сдался, а добился многого, что в мире не только такие злые и ограниченные люди, что добрых и чутких – намного больше.

И вот этот бритоголовый скинхед привёл своего сына, которому сейчас столько же, сколько тогда было Тимуру. Десять лет. У молодого парня в душе творилось что-то страшное. Это была не буря, не ураган. Состояние можно было сравнить со страшнейшим землетрясением, извержением вулкана, цунами – всем вместе взятым.

Тимур смотрел, как сын Дмитрия аккуратно выводил линии карандашом и на белом листе появлялось изображение снежного барса. Белобрый, голубоглазый, худенький парень помогал себе кончиком языка, который прикусывал, убирал и снова зажимал между губами, водил им из стороны в сторону. «Нет! Я не посмею отыграться на парнишке. Он тут ни при чём. Вон как старается. И ведь хорошо получается. Надо посмотреть его работы», – думал Тимур.

Учитель и юный художник стали беседовать, рисовать, пробовать. И так увлеклись, что не заметили, как пробежало время. Прошло уже больше часа, когда в класс вошли директор и отец Вани. Тимур немного успокоился и больше не испытывал ярости. Общение с Иваном подействовало на художника умиротворяюще. Мальчик был тем водопадом, который погасил адское пламя, бушующее в душе инвалида.

Ваню приняли в художественную школу, все были довольны. Но недосказанность между Дмитрием и Тимуром повисла огромным шаром, который был готов в любую минуту лопнуть

и разнести всё вокруг. Отец предложил сыну пройтись по музею и попросил Тимура остаться в классе и поговорить.

– Мы с вами когда-то были знакомы или у нас были общие дела? – первым разговор начал Дмитрий.

– Нет. Знакомы мы не были, да и дел общих не было, – Тимур побледнел и стиснул зубы. Его руки опять вцепились в ручки кресла.

– Но я чувствую, что ты испытываешь ко мне ненависть. Это невозможно скрыть, – Дима перешёл на ты. – Скажи, это важно для нас обоих! Что? Что всё это значит? – глаза мужчины налились кровью, желваки на скулах заходили.

– Шестнадцать лет назад. Тёплый августовский вечер. Электричка. Молодая узбечка с мальчиком и группа бритоголовых ублюдков.

– Это был ты?

– Да, мы с мамой возвращались с дачи. Ехали спокойно, никому не мешали. И тут появились вы, крутые ребята с рейдом «Белый вагон». Я запомнил именно твоё лицо, потому что кулак, который прилетел в мой нос, принадлежал тебе.

Дима мялся. Он не знал, что сказать. Внутри всё разрывалось от эмоций. Казалось, ему мала собственная кожа.

– Прости, братан. Глупо всё получилось. Я ведь тогда в первый раз с пацанами пошёл. И в последний. Уверен был, что тебя убили. Места себе не находил. Мы же тогда по составу прошли и многих побили, а вы последними подвернулись. Я же все эти годы думал о тебе, в монастырь ездил в Сольбу к духовнику. Батюшка сказал, чтоб молился о тебе и матери твоей, хоть и иноверцы вы. Для Бога мы все равны. Но я этого не понимал. Дурак молодой был. Я тогда не о Боге не думал, не о себе, не о том, что меня мать родила, а не волчица.

– Прости братан, говоришь? Не братан я тебе. Прости! А знаешь ли ты, что у мамы был разрыв селезёнки, и её удалили? Ушиб головного мозга, сломаны два ребра, нос. Она после этого на инвалидности. А у меня оскольчатый перелом поясничного позвонка с повреждением корешков спинного мозга. Перелом предплечья, плеча со смещением. Тяжёлые травмы головы. Да что там! Ты же сам видишь, во что я превратился.

Тимура трясло. Он рыдал. По щекам текли ручейки слёз и капали на рубашку и на руки. Художник продолжил:

– Мама после случившегося не могла работать в школе. Надо было за мной ухаживать. Спасибо добрым людям, что не дали умереть с голоду, помогали кто чем мог. Бабуля остаток своей жизни посвятила нам. Время-то какое было, сам понимаешь. Врач-хирург очень хороший человек оказался, помог выбить бесплатные операции. Я же сирота. Мой отец умер. Доктор сделал несколько операций, собрал мои руки на металлические стержни. А вот позвоночник восстановить до конца не удалось. Ноги безжизненные. Спасибо ему, что я не в памперсах. Возился со мной, как с родным сыном. И в больнице меня долго держали, чтобы мама окрепла хоть немного.

Оба молча плакали. Это была душераздирающая сцена. Вдруг Дмитрий упал на колени и стал просить у Тимура прощения. Он говорил сбивчиво, быстро, но его пылкая речь шла от самого сердца. Это был крик души. Художник просил его подняться, даже начал успокаивать:

– Давай, Дим, не будем уже ворошить прошлое. Хватит. Ты давай умойся, а то Ваня придёт, что ему скажем? Парню не надо знать об этом.

Дмитрий встал.

– Знаешь, Тимур, прощения мне нет. Но я всё равно буду его вымаливать у тебя и твоей матери. Я богатый человек. Позволь помочь вашей семье материально?

– Дмитрий, я работаю. Мои картины покупают. У меня есть всё необходимое. И прошу тебя закончить этот разговор. Можешь быть спокоен. Нет у меня больше камня за пазухой. Мы объяснились. Не могу сказать, что простил тебя. Но зла больше не держу.

Ваня хорошо рисовал. За год победил в трёх больших конкурсах. Его работы были признаны лучшими и теперь украшали стены галереи музея Дарвина. Тимур любил всех своих учеников, но к Ивану испытывал особенно тёплые чувства.

Кончился учебный год. Все разъехались на летние каникулы. Дмитрий оплатил Тимуру операцию и реабилитацию в Германии. Есть надежда, что он вернётся домой на своих ногах.

Поступок

Катя с Мариной когда-то учились вместе в институте и были подругами. После диплома растерялись, не виделись и не знали друг о друге ничего. Времена были сумасшедшие. Перестройка многих людей раздавила своим катком.

Поэтому подруги очень обрадовались встрече. Они привезли своих детей на экскурсию в музей Дарвина. А сами решили пойти в кафе поболтать, повспоминать, рассказать друг другу о себе. Столько лет не виделись! Экскурсия длилась более двух часов, так что было время расслабиться. Они устроились за столиком у окна. Сначала болтали наперебой, кто как устроился, у кого что. А потом Марина вдруг сказала:

– Кать, ты ведь многодетная? Как же ты могла решиться в наше время столько нарожать? У тебя ведь четверо?

– Да, четверо. Но трое из них приёмные. И я их безумно люблю.

– Приёмные? – удивлённо произнесла Марина.

– Да. Вот так сложилась моя жизнь.

– Расскажи, Кать, что произошло. Мне так интересно, – попросила Марина.

– Ну, слушай.

И Катя начала свой рассказ:

– Мы с Игнатом жили совсем бедно. Денег не хватало катастрофически. Он потерял работу, а я тут возьми и забеременей. Не вовремя, как мне казалось. С родителями отношения ужасные, жили на съёмной квартире, а тут ребёнок. Мы приняли решение сделать аборт. Долго не раздумывая, я пошла в больницу, в коммерческое отделение, заплатила и избавилась от малыша.

И вот тут начались мои страдания! Ни есть, ни спать не могла. Рыдала целыми днями. Мне снилась моя доченька, и она меня упрекала, что я её убила. Соседка посоветовала мне пойти в церковь. И я стала ходить на службу. Полегчало мне очень, но однажды ко мне подошла замотанная в тёмный платок женщина и сунула в руку книжечку.

Дома я прочитала. Это была брошюрка одной старицы, которая учила, как правильно молиться и избавиться от греха аборта. Нужно было много чего сделать. Не буду тебе забивать голову этими рассказнями. Скажу только, что через некоторое время ко мне опять подошла женщина и сунула в руку другую книжечку. В ней приглашали грешниц к батюшке Истинной церкви отцу Амвросию.

И я, прочитав эту книжку, попёрлась в эту церковь. Она находилась в жилом доме в помещении разорившегося кафе. Пришла домой и стала звонить подругам в поисках денег. Не могла же я рассказать зачем. Игнат собирался в Турцию за товаром, и я говорила, что для него. Деньги настреляла, проводила Игната в поездку.

Когда возвращалась, то так навернулась в подъезде. Еле дошла до двери. Наутро нога отекала, появился синяк. Хорошо, что перелома не было. Когда собралась на службу, в ванной прорвало трубу. Пришлось собирать воду и ждать, когда приедет аварийка. Тогда со мной случилась истерика. Я была в такой панике. Как же, договорилась с батюшкой, а тут такое. Пришлось звонить и просить перенести встречу. Отец Амвросий человек был добрый и успокоил меня. Сказал, что это бесы меня не пускают.

Нет бы мне подумать, что ангелы держат! Надо слушать знаки судьбы внимательнее. Вот наступил долгожданный день. Думала, наконец-то вдохну полной грудью, освобожусь от страшного греха, смогу жить нормально, освобожусь. Я пришла в эту церковь. Мне показалось, что была очень красивая служба и длинная. Когда всё закончилось, вокруг батюшки как обычно толпились прихожанки. Ко мне подошла прислужница и повела в другую комнату. Прочитала молитву, побрызгала меня водой из бутылки и велела раздеться.

– Всё снимай с себя. Я же сказала – всё.

– Догола, что ли?

– Да, догола. И одевай вот это. И крест не снимай.

Она протянула мне белую ткань. Это была свободная рубаха до колен. Меня трясло от волнения. Во рту пересохло. Женщина меня стала успокаивать и дала выпить сладкий напиток. Не поняла, что это было, вино – не вино, чай – не чай. Сказала, что целебный отвар.

Я выпила, и через некоторое время мне стало спокойно и радостно. Дрожь успокоилась, пришло умиротворение. Знаешь, состояние было такое: «Что воля, что неволя – всё равно». Лёгкое головокружение, отяжелевшие ноги и руки. Отец Амвросий позвал прислужницу. Через минуту она пришла, взяла меня за руку и повела в какое-то помещение.

Это была небольшая комната. На полу лежал мягкий ковёр. У стены – письменный стол, кресло. В углу находился иконостас, горела лампада. Окно было закрыто плотными шторами. Напротив иконостаса в подсвечнике горели свечи. Пахло ладаном. Я вошла в комнату, ступая босыми ватными ногами на ковёр, перекрестилась и сама встала перед иконами на колени.

Амвросий закрыл за мной дверь. Он начал читать молитвы и кадить. Ну а дальше, думаю, ты поняла... Он подошёл ко мне сзади и поднял рубаху. Я вяло сопротивлялась, что-то пыталась сказать заплетающимся языком.

– Не сопротивляйся, девка! Надо же грех-то твой на себя забрать. По-другому никак. Не будь душой! – шипел мне в ухо батюшка.

Я почувствовала, как он прижался ко мне и... Всё было как в бреду. Потом пришла прислужница, помогла мне одеться, дала выпить воды и поздравила:

– Ну вот и хорошо. Очистилась от деяний своих мерзких. С освобождением тебя!

Я заплакала, зарыдала. Доброта с тётки сразу улетучилась:

– Ты давай не дури. И не вздумай языком своим болтать поганым. А то муж узнает. Иди с миром. Чтобы в среду пришла. Без глупостей!

Помню, как с трудом дошла до дома. Впервые в жизни была рада, что Игната нет. Первым делом пошла в душ, тёрла себя мочалкой с такой силой. Хотелось сорвать кожу. Но это было невозможно. Потом легла, закуталась в плед и уснула.

Утром наступило «похмелье». Распухшее от слёз лицо, глаза-щёлки с набрякшими веками. Умереть! Это единственное, что хотелось в тот момент. Я не знала, что делать. Не могла больше быть одна ни минуты. И тут на счастье позвонила Лариска. Она поняла, что произошло непоправимое, и примчалась.

Ларка смогла найти для меня нужные слова. Пусть говорят, что не бывает женской дружбы. Враньё. Тем, кто говорит, просто не повезло. А мне посчастливилось. Лариса позвонила знакомому доктору, сделала мне больничный. Уговаривала меня, приводила в чувства. На телефонные звонки она отвечала и говорила, что я уехала к маме в Ейск, мол, та приболела.

Прожила у меня Ларка четыре дня, как раз до приезда Игната. К этому времени я очнулась. Нужно было жить дальше.

Вот такая гадость со мной случилась. В то время столько сект всяких развелось, экстра-сенсов, магов, ведуний. И люди шли к ним со своими бедами, проблемами. Несли свои сбережения, порой последние деньги, влезали в долги, но всё равно несли.

Через пару недель я увидела по телевизору в криминальной хронике, что в Московской области разгневанные мужья сожгли в доме известного экстра-сенса, хорошо лечившего бесплодие. Он принуждал женщин к вступлению с ним в близость, записывал это на видео и шантажировал. Многие забеременели. Одна женщина не выдержала и рассказала мужу.

Когда показали фотографию этого целителя, меня подбросило. Это был отец Амвросий! Воспоминания накрыли чёрной тучей. У меня началась истерика. Как всегда спасла моя дорогая Лариса. Она примчалась, как скорая помощь с сиреной.

– Катька, ты представляешь, радость-то какая! Его сожгли живьём. Он больше никого не сможет облапошивать. А то, ишь, от бесплодия он лечит! Отец Амвросий! – Лариса запнулась. – Кать, а у тебя когда месячные должны начаться? Задержки нет?

– Блииин! Завтра-послезавтра. Но когда это случилось, у меня были самые залётные дни, – сказала я, а саму начало трясти так, что стучали зубы.

Ларка побежала по аптекам, чтобы раздобыть тест на беременность. Раньше же это было не так просто. Она пришла, наверное, через час и принесла три разных теста. Два из них показали две полоски, один не показал ничего. Представляешь моё состояние? Не могу описать. Я не знала, от кого беременна. Может, и от Игната.

Я не стала метаться, ходить по врачам, сдавать мочу «на мышку», покупать ещё тесты. Решила для себя, что избавляться от ребёнка не буду. Это было настоящим испытанием. Лариса отвела меня к своему знакомому психологу, который вселил в меня спокойствие. Да, случилась со мной такая беда, малыш-то тут ни при чём. А вот как быть с Игнатом? Рассказать или утаить? Не могла же ему во всём признаться.

Когда Игнат узнал, что я беременна, был так счастлив. Тоже ведь переживал за тот аборт. Я же не одна приняла решение тогда. Теперь муж буквально носил меня на руках. Всё самое свежее, всё самое вкусное, всё самое красивое для меня и для будущего ребёнка.

Когда сказали, что будет сын, мы уже знали его имя – Анатолий. А вот я из жизнерадостной весёлой девушки превратилась в мрачную, задумчивую, тоскливую тётку с грустными коровьими глазами. Вся моя жизнь превратилась в борьбу. Борьбу с собой.

У нас всё шло хорошо. Толик рос здоровеньким крепким мальчиком. В четыре года мы записали его в секцию футбола. Наш юный спортсмен делал успехи. Мы с Игнатом нарадоваться на него не могли. Но меня всё время тревожила мысль, что наш сын только мой, что его биологический отец – тот мерзкий аферист-насилник.

Я хотела ещё ребёнка, но не беременела. Врачи ничего у меня не находили. Ну это Божий промысел. Я точно знаю.

Когда Толику исполнилось шесть лет, случилось несчастье. На диспансеризации выявили отклонения в здоровье и послали к онкологу. После обследования поставили диагноз саркома Юинга. Нужна была срочная операция. Рассказывать, что я пережила, не буду. Ты это видишь по тому, как рано я состарилась. Но именно тогда Господь послал мне подарок. Именно мне. И ещё я получила урок, что нечего шататься по всяким сектам и непонятно по каким батюшкам, волшебникам. Есть церковь, в которой родители окрестили, вот туда и надо идти. И это единственный правильный путь.

Так вот, про подарок. После сдачи множества анализов я узнала, что Анатолий сын Игната. Жизнь показалась раем. Я воспряла духом и стала бороться за жизнь нашего сына. На операцию была очередь. Это ведь только по телевизору показывают, как всё просто, бесплатно и быстро. На деле оказалось иначе.

Толе сделали операцию на Каширке в онкоцентре. Два года мы жили как на вулкане. Нам не повезло. Цель операции при саркоме Юинга – радикально удалить все пораженные клетки, чтобы полностью исключить рецидив. Цель не была достигнута. Сыну требовалась радиационная терапия. Это когда однократную дозу облучения посылают непосредственно на область новообразования. Для проведения процедуры нужна специальная операционная. А ещё – дофигища денег.

Мы с Игнатом продали квартиру, которая осталась от моих родителей, купили дом в Рязанской области и уехали в деревню. Игнат работал трактористом, а я собиралась работать учителем в сельской школе. Но пока надо было находиться с Толей. Он остался прописан в квартире у мамы Игната, чтобы не терять московских привилегий.

Был конец года, все квоты исчерпаны. Платить за очередную операцию нечем. Убитая горем я сидела в холле онкоцентра и ждала, когда врач пригласит, чтобы вынести свой вердикт.

Наверное, так ожидают смертного приговора. В помещении стоял специфический запах больницы, и от этого у меня закружилась голова и затошнило.

Из коридора появился элегантный молодой мужчина. Он был радостный, улыбался. Казалось, что хочет сплясать и еле сдерживается. Он прошёл мимо, потом остановился, повернулся и направился ко мне.

– Здравствуйте. Вы очень грустная. Хотя здесь редко можно увидеть весёлого человека, – сказал мужчина. – Может быть, я смогу вам помочь? Очень хотелось бы. Скажите, что случилось?

Я натурально обалдела от этой ситуации. Вот так просто подойти к незнакомому человеку и заговорить, спросить о проблемах. Наверное, видок у меня был ещё тот. Молодой человек понял моё смущение, но настойчиво продолжил свои попытки:

– Меня зовут Аркадий. Прошу вас, пожалуйста, расскажите о вашей беде.

И я почему-то начала рассказывать о болезни Толика, о том, что мы продали квартиру, а теперь денег всё равно не хватает на последующее лечение. Из моих глаз текли слёзы, руки мелко дрожали. Аркадий купил в автомате бутылку воды, открыл и протянул мне.

– А у меня радость. Мою доченьку сегодня сняли с онкоучёта, – сказал Аркадий. – Теперь я очень хочу помочь. Я поклялся перед Богом, что если Настя выздоровеет, то оплачу лечение чужому ребенку. Если позволите, это будет ваш мальчик.

А дальше всё было как в сказке. Аркадий оплатил полностью операцию для Толи в Израиле. Там успешно расправлялись с этой болезнью. Ещё оплатил нам дорогу и проживание. Я же ездила туда с сыном. После операции и лечения Толя пошёл на поправку. Через пять лет после операции врачи заговорили о стойкой ремиссии, хотя при этом заболевании с учёта не снимают пожизненно. И мы с Игнатом решили, что просто так ничего не бывает. Нашему мальчику повезло, ему Аркадий подарил благо. Теперь и мы должны поступить так же.

Как-то вечером мы смотрели телевизор и увидели репортаж из детского дома. Дети говорили о том, как мечтают жить в семье. Сердце сжималось от грусти. В наших душах поселилось желание помочь такому ребёнку. Взять в свою семью, приласкать, отлюбить. Мы с Игнатом поехали в Рязань в опеку, узнали, какие нужны документы и что делать. Оставили заявку и получили направление в Школу приёмных родителей при Свято-Никольской женской обители.

Когда отправились в эту школу, была страшная гроза. Молнии раскалывали небо пополам, гром напоминал взрывы. Пришлось остановить машину и некоторое время стоять у обочины. Ехать было невозможно из-за страшного ливня.

Когда приехали на место, дождь кончился, выглянуло солнце, воздух наполнился запахом полевых цветов и трав. И вдруг раздался колокольный звон. Он был такой красивый, переливистый, и всё это создавало ощущение счастья, как будто кто-то говорил:

– Ребята, вы молодцы! Всё правильно делаете.

Через полгода нам позвонили из рязанского детского дома и сказали, что можно приехать. Да, школу мы к тому времени закончили и получили сертификаты.

Детский дом находится на окраине, можно сказать, за городом. Аккуратное здание утопало в зелени. Перед входом высажены красивые ухоженные клумбы. Директор, полная женщина средних лет, с важным видом надела очки и стала изучать наши документы, как будто видит их впервые. Всё уже сто раз проверила. Ну это так, для солидности.

– Месяц назад к нам привезли троих детей. Их родители погибли в автокатастрофе, из родных есть только старая бабушка, – сказала директриса. – Но взять их можно только всех вместе. Дети из хорошей семьи, не от алкоголиков. Подумайте. Я не буду торопить вас, но и затягивать не стоит. Вы можете пройти и познакомиться с ними. Только малышка в приюте для младенцев. Это здесь же, на нашей территории.

К такому мы совсем не были готовы, но оба, не сговариваясь, изъявили желание познакомиться с детьми. Старшему, Петру, было девять лет, среднему, Егору – пять, а Машеньке – полтора годика.

Мальчики были очень воспитанные, спокойные. Петя вышел, держа Егора за руку. Мы стали с ними разговаривать. Вдруг Егор заплакал, уткнулся мне в грудь и стал по-детски так причитать:

– Тётяшка, миленькая, возьми нас отсюда. Нам здесь плохо. Я хочу домой!

Воспиталка недовольно нахмурила брови и закашляла. Петя пытался оттащить Егорку, но это было невозможно. Он крепко вцепился в меня тонкими ручонками, продолжая плакать и причитать. Я обнимала его, гладила по спине, успокаивала, целовала в горячую голову. Мальчик не успокаивался. И столько в этот момент во мне было материнской нежности, любви, сострадания. Уже не Егор в меня, а я в него вцепилась. А когда принесли Машеньку, и та спокойно пошла на руки к Игнату... Она даже была на него похожа.

Понимаешь, Марин, мы приняли решение забрать детей себе. Директор сказала, что нам надо всё обдумать и взвесить. Слишком серьёзный шаг мы хотим сделать. Хотя мы так растрогались, что были готовы взять их в ту же секунду.

Детей отдали только через две недели. И так нам повезло, что с первой минуты мы приняли друг друга как родные. Трудней всех было с Петькой. Но он очень старался нас полюбить. Большой же парень-то был. Скучал по маме с папой. В этом году заканчивает восьмой класс.

Когда мы ребятку взяли, месяца через два позвонила их бабушка. Сказала, что хочет увидеть внуков. В общем, мы взяли её к себе. Хорошая бабулька, чистенькая, добрая. Помогает мне по хозяйству. Я обрела и детей, и мать.

Толику скоро будет двадцать лет. Он учится в медицинском университете в Рязани, Игнат работает трактористом, а я дома с детьми. В Москву приезжаем по разным делам, маму Игната навещаем. Вот на экскурсию ребят привезла.

Вдруг на кухне что-то грохнуло, послышался звон битой посуды. Катя с Мариной вздрогнули и будто очнулись.

– Ой, Маринка! Заболтала я тебя. Уже экскурсия заканчивается. Пойдём скорее.

– Кать, говори мне твой телефон, я наберу тебя сейчас, а ты мой номер запиши. Созвонимся и увидимся обязательно.

– Да, конечно! А то у нас счёт один-ноль получился. Я о себе всё рассказала, а ты о себе – совсем ничего.

Подруги расплатились и пошли встречать детей с экскурсии.

Подруга

Марина осматривалась. Ей нравилось, как у Кати всё обустроено в доме: чисто, уютно, современно. Всё было сделано с любовью. Марина держала в руках своего йоркширского терьера Зену. Имя совершенно не вязалось с такой хорошенькой маленькой собачкой. Голову животного украшал бантик, который придавал питомцу ещё более комичный вид.

Катя показала подружке дом, а потом повела к столу. Салат, нарезка, селедочка под шубой, румяные пирожки: видно, что хозяйка гостеприимная.

– Марин, что будешь пить? Ром, коньяк, вино?

– Кать, я же за рулём. Поэтому только колу, пожалуйста.

– Перестань, ты же сейчас не за рулём, – засмеялась Катя. – Какой руль? Останешься на ночь. Собачка с тобой, можно не волноваться.

– А не стесню вас?

– Нет, не стеснишь. Игнат уехал с парнями к маме в Москву. А Машенька с бабушкой нам не помешают. Так что расслабься, Марин. Посидим подольше, поболтаем. За тобой должок. Ты мне обещала рассказать о себе.

– Уговорила. Остаюсь.

Женщины засиделись допоздна. Потом разожгли камин и сели у огня наслаждаться общением.

– Катюш, я расскажу всё как есть. Боюсь только, что ты со мной после дружить не захочешь.

– Ой, ой! Можно подумать... Рассказывай, жду с нетерпением.

– Ну, тогда слушай.

И Катя начала свой рассказ.

– Ты уже знаешь, что ребёнок, с которым я была в прошлый раз в музее – мой племянник? Ну да, я рассказывала, что это сын моего брата Сани. Я живу с родителями. Так сложилось, что у меня нет ни мужа, ни детей. Мужа, кстати, никогда не было.

Мне всегда нравились мужья моих подруг. Я почему-то в них влюблялась. Вернее, они в меня. Я не нарочно. Так выходило. И обязательно подруги меня застукивали со своими мужиками в постели. Почти всегда один и тот же сценарий.

Поверь мне. Я хорошая подруга. Я всегда рядом. И в горе, и в радости. Поддержать, помочь, отвезти, устроить, договориться. В общем, «я тучи разведу руками», а они меня в итоге предавали анафеме. Помнишь, с нами в институте училась Вера Кочкина? Она теперь Смирнова.

– Конечно, помню, Марин. Мы же сначала все вместе тусовались, а потом вы как-то больше вдвоём.

– Да. Точно! Мы сблизились сильно, особенно на последних курсах. Буквально ели из одной тарелки и даже влюбились в одного парня. Мы с Верой вели активную жизнь. Очень увлекались театром, видели все новые постановки. Художественные выставки все были наши. Пешие прогулки по Москве, музеи. Мы много читали, а потом обсуждали прочитанное, спорили. Поддерживали друг друга во всём.

У меня всегда были состоятельные любовники, хотя и женатые, и старше иногда лет на двадцать. Они были круче, чем у Верки. Но однажды мы влюбились в одного мужчину. Высокий, красивый, хорошо воспитанный и, похоже было, хорошо обеспеченный. Когда это произошло, то мы решили, что ссориться не будем. Будем ждать, на кого он клюнет.

Я крутилась перед ним ужом. Бесполезно. Он сразу положил глаз на Верку.

Она сгорала от любви, а я – от досады. Поскольку мы с Верой были близкие подруги, то были вхожи в дома друг друга, знакомы с родителями. Вера с Жориком подали заявку в ЗАГС и назначили день свадьбы. Их счастьем не было предела. Но не моему.

Я понимала, что когда подруга распишется, то получить Жору будет сложнее. Меня разрывало на части. Ведь Вера моя подруга! Я желала ей всего хорошего, но и себе я тоже желала счастья. Что, что мне делать? Я тоже с ним познакомилась и ему понравилась. Подумаешь, Верка меня переиграла. Это я должна выйти за Жору замуж, ехать с ним на юга в свадебное путешествие, родить ему детей. Я лучше и умнее. Желание быть счастливой было гораздо больше, чем уступить всё это подруге.

Верина мама невзлюбила будущего зятя. Не нравился он ей. Она всячески отговаривала дочку от опрометчивого поступка, а я была кулацким подпевалой. Тётя Инна, сама того не понимая, подыгрывала мне.

Камин почти погас. Катя встала, подбросила в топку дровишек, принесла коньяк, шоколад и уютно уселась в кресло. Вновь затрещали поленья. В комнате появился лёгкий запах горящего дерева. Это придавало обстановке душевную атмосферу.

– Марин, так свадьба состоялась или нет? Не томи, – и Катя плеснула в рюмочки коньяк. – Давай за успех!

Марина пригубила, поставила рюмку и продолжила.

– С Жоркой у меня ничего не получилось, но и свадьбы не было. Верка должна быть благодарна мне. Я спасла её. Жора оказался картёжником, каталой. Страдания Веры описать трудно. Горе её было вселенское. Она убивалась, что бракосочетание расстроилось. Любила, видимо, Жорку.

Но плакаться всё равно кому-то нужно, уткнуться в плечо, поговорить о наболевшем. Потихоньку, помаленьку моя подруга опять вернулась ко мне. Мы опять были самые близкие люди. А потом опять Верке повезло. У неё появился новый друг. Высокий красавчик. Совершенно неожиданно для меня Игорёк сделал Вере предложение, и она согласилась. И это всё после двухнедельного знакомства.

Вот тут Верунчик держала своего избранника руками и ногами. Не отпускала от себя ни на шаг. Если его не было рядом, значит, рядом находилась я. Платье она поехала покупать с мамой. Представляешь, без меня. И всё у неё шло складно. И фата, и белое платье, и чайки, и свадьба в ресторане, и даже свадебное путешествие.

А я? Я злилась! Почему одним всё, а другим хрен? Я красивая, умная, из интеллигентной семьи, всё умею, отличная хозяйка. Главное – я умею дружить!

– Марин, подожди. Как это? Говоришь, что умеешь дружить, а сама соблазняешь мужичков своих подруг?

– Это совсем другое. Надо уметь отделять котлеты от мух. Подумаешь, пересплю разок-другой с чужим мужем. Это для меня как спорт! Зато знаю, как утешить подругу, всегда дам хороший совет. И вообще, я классная, у меня везде связи.

Никому я так не завидовала, как Верке. Это настоящая болезнь. Зависть выедала меня изнутри. Как ржавчина разъедает металл, так меня разъедали мерзкие чувства. От этого болела душа.

Через полтора года Верка забеременела. Я опять всегда с ней. Первая помощница во всех делах. Но она стала меня ревновать к Игорю, как безумная. И сказала об этом мне в лицо. Так произошла ссора. Затянулась эта ссора на несколько лет.

Зена начала крутиться вокруг своей оси и поскуливать.

– Марин, она гулять, может, захотела?

– Неохота выводить. Лапы потом мыть надо. Я ей пелёнку постелю. А мы давай выйдем покурим.

– Марин, я не курю. Давно уже. Даже не помню сколько лет. Иди курни, а я сделаю чай.

Когда подруга вернулась, на столике стояла вазочка с конфетами, красивые чашки. Чайник издавал приятный аромат. Пахло бергамотом, лепестками сафлора и имбирём.

– Марин, тебе лимон отрезать? – суежилась Катя.

– Нет, не надо. Лимон я предпочитаю с коньяком, а чай – с конфетами, – Марина продолжила рассказ.

– После нескольких лет необщения меня стала мучить тоска по подруге. Было Рождество, и я позвонила Верке. Та обрадовалась и пригласила в гости. Её семья жила в хорошей квартире. Как говорится, дом – полная чаша. Хороший муж, сын, много друзей и свой бизнес. Я в то время обзавелась гражданским мужем Василием. Хороший мужик, но ни кола, ни двора, ни работы нормальной.

В доме у Веры меня очень душевно встретили, окружили любовью и заботой. Вера была мне искренне рада, да и я тоже обрадовалась. Через очень короткое время меня приняли на работу, причём на руководящую должность. Трудиться люблю и умею, я же хваткая, поэтому быстро навела порядок. Когда мне заплатили первую зарплату и сразу премию, я просто обалдела. На глаза аж слёзы навернулась.

– Обманули, Марин? Мало заплатили?

– Что ты, Кать! Наоборот, я не ожидала, что столько денег дадут.

Я взяла на работу своего Василия. На хороший оклад. И всё бы ничего, вот только обострилась моя болезнь под названием зависть. Это я сейчас так спокойно об этом говорю, а тогда меня ох как накрыло! Вот что я не так делала? Почему у Верки всё лучше, чем у меня? Почему я у неё работала, а не она у меня? Если она сотрудникам столько платит, то сколько сама зарабатывает?!

Хотела сходить в церковь. Таблеток от зависти не изобрели. Не тут-то было! Со мной такое случилось... Как подошла к храму, так истерика началась. До судорог. Так и было. Подойду к храму, постою рядом, всплакну, а войти не могу.

Тут Верка объявила, что беременна. Здоровье плохое, в стране чёрт-те что, а она второго решила. Родила как выплюнула. Через три дня дома была и как конь – вся в работе.

Платила она нам с Василием хорошо. Премии постоянные. И ещё мы жили в её квартире бесплатно. Она деньги вложила, однушку купила и пустила туда нас. Я с родителями жить не могла, а с Васькиной мамой – спаси и сохрани!

Подруга добро мне делала, а я злилась. Умом всё понимала, а сердце всё равно продолжало шемить от тоски.

Прожили мы в этой хате года два. Вскочил как-то утром Васька как безумный. Скорее-скорее оделся и всё молчком. Я к нему обращаюсь, а он как оглох и ослеп, не замечает меня. Я пошла завтрак готовить, а он куртку схватил и бежать. Я за ним. Кричу, спрашиваю, а Василий даже лифт не стал ждать. Пешком побежал с девятого.

К телефону потом не подходил. На работу не пришёл даже за зарплатой. Есть такое выражение – «сбежал», так вот от меня сбежал муж. Вещи все оставил, ничего не забрал. Через общих знакомых я узнала, что он жил у мамы. Что это было – никто не понял. Главное, что эта ситуация была непонятна мне.

Одна знакомая, да и не она одна, стала меня уговаривать поехать к бабке. Понимаешь? Все уверяли, что это порча. Дали адресок бабы Нюры. От Видного километров тридцать она жила. Деревня Гуськи. Я попёрлась. В деревне сразу поняли, к кому, и подсказали, где дом. Очередь человека четыре. Тут не до спешки.

Старая грязная изба. Внутри пахло сыростью, старьём и ладаном. Баба Нюра – пожилая, подслеповатая, неопрятная тётка.

– Садись, девка. Как зовут тебя?

– Марина, – сказала я и села на хлипкий стул.

Стол был покрыт несвежей гобеленовой скатертью с кистями. Она была настолько затёрта, что рисунок невозможно было рассмотреть. Над столом висела липучка, вся чёрная от мух. Несколько насекомых бились в предсмертных конвульсиях и издавали мерзкое жужжание.

– Смотрю, порчу на тебя навели. Собачья морда называется, – говорила баба Нюра, глядя в банку с водой, на дне которой лежали камушки. – Ты девка красивая, а мужики сначала льнут к тебе, а потом собаку страшную в тебе видят и бегут. И дома своего нет у тебя. Ты как собака бродячая. Только прибьёшься, а тебя гонят. Но и характер у тебя собачий, как у дворняжки. Руку кусаешь, которая кормит, вот тебя и вышвыривают отовсюду. Надо самой постараться измениться. Собаки ведь и добрые бывают, преданные.

– Что же мне делать? – заплакала я, мои плечи вздрагивали от рыданий.

– Не реви. Дам тебе порошок и водичку. Водой будешь умыться на вечерней и утренней зорьке. Никому её не давай. А порошок будешь подсыпать. Есть у тебя знакомая женщина, замужня, у которой всё ладится? Вот ей добавишь в еду.

– А женщине этой что, плохо станет от этого?

– Не дрейфь, девка. Не будет ей плохо. Поделится маленько счастьем и всё. Счастье-то оно такое. Отщипнёшь его чуть-чуть, оно быстро в этом месте нарастёт. Глядишь, и у тебя будет прирастать да прибавляться. А порчу я с тебя сниму. Надо будет приехать ещё раза два. А, может, и больше. Как пойдёт.

Дала мне баба Нюра бутылку с водой и свёрточек с порошком, который напоминал пепел. Стала я водичкой умыться, а пепел Верке в еду добавлять. Она кофе очень любила. Я порошок этот в него подсыпала, а потом ей заваривала. В пирожки добавляла, вкусяшками угощала разными. Следила, чтобы она сама съедала и выпивала угощение с пеплом.

И вот Верочкин Игорёк начал подгуливать. Для нас видимых признаков не было, а жена... Как говорится, баба, она сердцем чувствует.

А мне Верку жалко было. Я её поддерживала, уговаривала. У меня-то мысли, что я виновата. Отщипнула счастье, а оно не прибавляется ни у меня, ни у неё. Но я ошибалась.

Верочка страдала недолго. Поехала как-то в Управу по моим делам – мне надо было как раз в это время заболеть. Познакомилась там с таким классным мужичком. Картинка! Встречалась с ним и скрывала. Как только духу у неё хватило не рассказать. Я и не знала. Потом его в работу втянула на своей фирме. И такая любовь их обоих накрыла! Как в кино.

Понимаешь, Кать, у неё и муж, и дети, и достаток, а теперь ещё и любовник такой классный. Всё ей. Отщипнула я везение. У неё попёрло, а я в минусе опять.

Стала я больше ей порошка добавлять. Повалились на неё беды и неприятности. Сын заболел, потом любовник. А Лёня ведь женатый был. Развёлся ради неё и предложение Верке сделал.

Как развёлся, я за него взялась. Думаю, ну всё, привалит и ко мне удача. Не получилось. Тогда я стала действовать через тётю Инну. Стала говорить, что Верочка с ума сходит. Игорёк хороший такой, а она его на этого голодранца променять хочет, детей своих без отца оставить. Ну и давила на то, что у Верки сдвиг произошёл, что надо её устроить к хорошему врачу, к психиатру.

И на моё удивление тётя Инна согласилась. А в психушку без ментов трудно устроить. Верка же не согласится.

Мой двоюродный брат работал ментом, и знакомых найти для него не составило труда. А через свои связи я отыскала хорошего психиатра в частной клинике. Но тот Верке не нужен был. Требовалось её просто там подержать в изоляции какое-то время. Но я дала промах. Верку все очень любили. Сослуживцы. Она вечно жалела сирых и убогих. Распустила весь персонал. Всех собрала под своё крыло. У нас в офисе работала одна женщина, Галя. Я эту сучку на работу устроила. Подруга называется! Тварь неблагодарная. Взяла и сказала Верке, что видела, как я подсыпаю в кофе порошок. И что слышала мой разговор с тётей Инной про психушку.

Катяяя! Что было! Верка мать свою припёрла, та всё и рассказала. А ещё уборщица, гадина, подтвердила, что видела, как я подсыпала что-то, как с ментом договаривалась. Результат: я вылетела на улицу. И с работы, и из квартиры. Причём Вера проявила такую твёрдость. Я и не знала, что она так может! Видно, зря к бабе Нюре ещё не поехала. Денег пожалела.

Вот такая, Катюш, история. Живу с родителями. Вместо своего потомства у меня собачка и дети моего брата. Мужа нет, даже любовника для здоровья нет. С тех пор как отрезало! Стала ходить в церковь. Ездила в монастырь в Лебяжье. Жила там летом три месяца, работала с сёстрами, молилась. От зависти исцелилась полностью.

– Марин, как хорошо, что ты в храм ходить стала. Всё ещё хорошо у тебя будет, молись только. Усердно молись, и Бог даст. Благодарю больше за всё, ведь главное, что руки-ноги есть, родители живы. А счастье, оно ещё придёт. Обязательно! Только верь!

– Молюсь, Катюш. Как же я рада, что мы встретились. Будем теперь с тобой чаще видеться. Далековато от Москвы, конечно, но ничего. У вас дом большущий. Для нас с Зеной местечко найдётся, небось. Правда ведь?

Катя ничего не ответила, но спросила:

– Марин, а что с Верой стало? Ты знаешь?

– Знаю. Пожалела её?

– Не то чтобы пожалела. У неё же всё нормально?

– Верка развелась с Игорьком. Развод прошёл без скандалов и истерик. Всё спокойно поделили. Дети остались с Верой, но с правом отца на встречи. Сразу после развода она вышла замуж за своего Лёню. Свадьба была, а потом они обвенчались. Сын у них родился. А из Москвы уехали. Мы не общаемся. Мне трудно простить Веру за то, что она меня выгнала с работы, из квартиры. Я же не хотела ей зла. Хотела сохранить ей семью. Ведь двое детей с Игорьком у них. Но знаю, что и меня она не простила.

– Марин, а откуда ты знаешь о Верочке?

– У нас есть общая подруга. Она иногда мне кое-что рассказывает про семью Веры, что у неё всё отлично. Живёт в любви и согласии, в достатке.

– Да, тяжёлая у тебя история. Спасибо что рассказала. Марин, что-то спать захотелось. Пойдём, я тебе в гостевой комнате постелю.

Языки пламени плясали в камине и облизывали стекло топки. Полено внутри упало и подняло фонтан искр. Тени отражались на Маринкином лице, и оно казалось зловещим. Кате стало не по себе. Как будто она сидит рядом с мягким и пушистым хищником, и он в любой момент может ощериться, вцепиться и разорвать.

Катя думала: «Зачем я в прошлый раз так много о себе рассказала? Зачем? Ну её, эту откровенность! Мы ведь все меняемся. Не, не буду о плохом думать, чтобы гадость всякую не притягивать. Хорошо, что я тогда от неё откололась. Надо Маринку подальше от своей семьи держать. Хоть она и исправилась, но мне не хочется такую подругу. Годы не те – с огнём играть. Как я благодарна, что Бог отнёс меня тогда от этой женщины».

Утром Марина уехала, и Катя больше не собиралась поддерживать с ней дружеские отношения.

Немец

Был погожий весенний денёк. Юный художник стоял у мольберта и писал с натуры. По аллее шёл, немного прихрамывая, мужчина с детской коляской. В ней вся в розовых рюшечках и кружевах спала малышка. В воздухе пахло весной. Уже зелёным ковром пробилась молодая трава. Деревья покрылись бледными листьями, которые с каждым днём набирали силу и цвет. Везде проглядывали жёлтые огоньки мать-и-мачехи.

Мужчина подошёл к художнику:

– Иван Дмитриевич, добрый день. О, как хорошо получается!

– Здравствуйте, Тимур Сергеевич! – Ваня заглянул в коляску и улыбнулся. – Какая хорошенькая. Ей уже три месяца?

– Да, Вань. Два дня назад исполнилось, – сказал Тимур. – Мне кажется, вот здесь слева надо побольше охры добавить. И ты обычно в одной гамме работаешь, а тут у тебя среди тёплых оттенков холодом повеяло, – и он указал пальцем в левый угол холста.

– Наверное, я устал. Надо сделать перерыв.

– Так давай присядем, – Тимур жестом указал на лавочку.

Учитель с учеником сели на скамейку, оставив коляску неподалёку, чтобы не мешать ребёнку спать. Тёплые солнечные лучи нежно пригревали. Воробьи купались в луже и громко чирикали, как будто радовались, что скоро всё расцветёт. Весна в этом году дружная и ранняя, уже всюю цветут тюльпаны и нарциссы. Скоро должны распуститься черёмуха и сирень, и сердце замирало в предвкушении буйства ароматов.

Повсюду праздничная иллюминация украшала город. В парке строили деревянный помост. Здесь девятого мая будут собираться участники «Бессмертного полка», потом – митинг, концерт.

– Как ваши ноги, Тимур Сергеевич? – спросил Ваня. Вы хорошо себя чувствуете?

– Спасибо, Вань. Слава богу, хожу. Хорошо, что твой отец уговорил меня поехать в Германию на операцию. Починили меня немцы, а то катался бы в инвалидке. А я, видишь, коляску сам катаю – детскую.

– Да, это здорово! Но я всё равно немцев не люблю. Вон что натворили в мире. Столько жизней войной своей безумной унесли. Извиняются они перед всем миром и правильно. Пусть всегда прощения просят, пока земля стоит.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.